

18+

Катарина Норд

*Судьба Эльмиры
и проклятье
озёрного дракона*

Катарина Норд

**Судьба Эльмиры и проклятье
озёрного дракона**

«Издательские решения»

Норд К.

Судьба Эльмиры и проклятье озёрного дракона / К. Норд —
«Издательские решения»,

Меня называли вымоленным ребёнком, но проклинали как ведьму. Мои женихи умирали, моя семья погибла от удара молнии, а рыцари соседних королевств уже разожгли для меня костёр. Моё единственное спасение — призрачный голос из снов. Я нарисовала портал — и Озерный дракон забрал меня в свой мир. Он заколдован за грехи своего отца. Между нами — стена из невысказанных чувств. Враги снова готовят нам бой. Когда дракон окажется на волосок от смерти, я приду к нему и встану рядом. Сможем ли мы выжить...

© Норд К.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Моя история как она есть, или кто я и откуда	7
Глава 2. Как решилась моя судьба после столь тяжёлых и горестных событий	11
Глава 3. Обрела ли я свободу ил же, как сложилась моя дальнейшая судьба	14
Глава 4. Мои люди мне верны	17
Глава 5. Какая судьба ожидала Эльмиру	22
Глава 6. Что же ожидало нас всех дальше	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Судьба Эльмиры и проклятье озёрного дракона

Катарина Норд

© Катарина Норд, 2026

ISBN 978-5-0071-3387-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Меня назвали вымоленным у судьбы ребёнком и предрекли обрести счастье в другом мире. Мой отец решил вмешаться вволю судьбы. Так выбранные им женихи покинули этот мир, мне же уготовили иную участь. Я должна уйти в монахини и покинуть мирскую жизнь. Я должна жить вдали от всех. Моё имя должно быть стёрто в книге рода. Судьба решает спасти меня. Так разыгравшаяся буря и удар молнии забирает мою семью. Желанной свободы я не обретаю. Теперь я ведьма, участь которой костёр. Так объявили рыцари властители соседних земель.

Во сне я слышу таинственный зов. Повинуясь ему, я рисую картину, дорогу к озеру. В этой картине я представляю своё спасение.

Голос, который меня зовёт, принадлежит озёрному дракону, который открывает портал между нашими мирами и уводит меня в свой мир.

Нас связывает дружба и невысказанная любовь. Да, мы оба боимся чувств, ведь дракон не знает, как снять своё проклятье. Но и в эти земли приходит война. Итак, дракон должен защитить свои земли. Он прячет меня, а сам идёт на бой. Его жизнь на волоске, в самый последний момент мне позволят вмешаться и стать плечом к плечу с моим драконом. Сможем ли мы выжить и разрушить проклятье этого мы не знаем. Главное для нас то, что мы рядом и вместе.

Но всё это будет потом. А пока, моя история только начинается.

Глава 1. Моя история как она есть, или кто я и откуда

Моя история грустна и печальна. В столь юном и нежном возрасте я лишилась всего, что даёт человеку защиту и опору. Я потерялась и сбилась с пути. Совсем запуталась и оказалась одна против целого мира.

Моя семья погибла в огне. Вот так в один миг, исчезло то, что было мне дорого. Я потеряла всё. Тот страшный и зловещий день я помню как сейчас, даже несмотря на то, что с момента как всё это произошло, прошло уже два года.

Тот день. Мне не нужно даже закрывать глаза для того, чтобы с точностью самого выдающегося художника воспроизвести пейзаж того ужаса и кошмара свидетельницей которого невольно мне пришлось стать. Хотя свидетельницей я могу назвать себя с большим трудом, я всего лишь та, что волшебным провидением, и защите невидимого ангела осталась жива и невредима. Но впрочем, всё было так.

Была сильная, очень страшная буря. Ночь окутала всю землю своим покрывалом так тяжело и плотно, что отчасти становилось страшно. Земля и небо стали одной сплошной непроглядной тьмой. Раскаты грома казалось, готовы разверзнуть саму земную твердь. Яркие всполохи разрезали эту непроглядную тьму своими узорами. Эти яркие вспышки и заволакивали и погружали в панику одновременно. В это же время из ниоткуда во тьме по небу плыло белое облако, одно единственное, но в нём были какие-то странные страшные огненные вспышки, которые изнутри подсвечивали это белое облако это пятно, отчего становилось ещё страшнее. Было стойкое ощущение того, что произойдёт что-то страшное, опасное. Хотелось кричать:

— помогите, защитите. В голове невольно сквозила одна и та же мысль:

— Бежать. Эта фраза стучала набатом в голове. Слыша эти звуки и видя эти всполохи, я обращалась с молитвой к Богу. Он был единственным, кто меня слышал, и кто как я надеялась, мог меня защитить, да и не только меня. Я молилась за всех. Таков был мой удел. Ведь именно такую судьбу уготовила мне моя семья, я не могла противиться их воле. Моя молитва была коротка и отчасти сумбурна.

Небо гневало. Море что находилось под обрывом, на котором собственно стоял наш роскошный готический замок, оно не просто бушевало. Оно с остервенением бросало свои грозные вспененные волны об утёс. Каждая прибывавшая волна словно бы своим существованием хотела уничтожить наш замок и нас вместе с ним. Это был гнев природы обращённый на нас и против нас. Чем же мы собственно смогли прогневить природу, я не могла понять, это было слишком тяжело и трудно.

Утёс был высок, собственно как и сам замок. Но даже несмотря на это, страх всё же не отступал. Всё казалось, что вот следующая волна может оказаться выше сильнее и тогда грозное море поглотит нас всех, мы уйдём ни во что. И вот тут случилось оно, то страшное что стоит перед глазами и не даёт спокойно дышать. Несчастный случай шаровая молния попала в открытое окно замка. Этот искрящийся шар, оказавшись в покоях родителей, полностью сумел уничтожить и их покои и их самих. Кровавадно и беспощадно расправившись с ними, это шар смерти отправился в соседние покои те, что были, напротив, там, в маленькой колыбели прикрытый лёгким прозрачным пологом спал мой маленький брат Элиас. Наш маленький маркиз. Его жизнь стала третьей и последний кого решила забрать из моей жизни навсегда та страшная и зловещая ночь.

И вот я Эльмира в свои девятнадцать лет совсем одна. Нет никого. Я сирота с именем и титулом, но подойти и признаться что мне страшно, это та роскошь, которую я могу позволить себе, оставшись наедине со своим названным отцом. Находясь рядом с ним, я могу произнести:

— мне так страшно. Я так боюсь ещё кого-нибудь потерять. Что же теперь будет. Но нет, такие вопросы, задавать страшно и отчасти нечестно. Решение всё равно должно быть

полностью за мной или же моим. Надо мной ответственность за других. Тех немногих кто согласился остаться со мной по своей воле.

В замке осталось несколько преданных слуг тех, кто не побоялся остаться рядом со мной после той страшной трагедии. Остальные покинули некогда наши роскошные владения.

Почему они это сделали?

Люди оказались жестоки и коварны. Я потеряла семью, а они лишили меня возможности найти опору и поддержку дальше.

После того случая меня единственно выжившую нарекли ведьмой. Обладая яркими зелёными глазами, огненными волосами, что казалось на моей голове само пламя, да вот такой подарок устроила мать природа, моя мать была тоже рыжей, но если в отношении неё можно было сказать благородная медь, то я сам костёр. Вот это и стало моим проклятием.

Живя в высокой башне, я не просто избежала пожара, он обошёл меня стороной. Но часть замка с моей семьёй она выгорела полностью не оставив после себя ничего только обугленные развалившиеся перекрытия и кучу обломков. Это всё что я смогла найти, когда прибежала вместе с остальными. Но в момент моего появления все всхлипы и причитания людей стихли. Мои огненные волосы, которые не струились в тот момент по плечам, а окружили меня пышным облаком, повергли всех в трепет. Увидев меня, выжившую и не пострадавшую, не имеющую не одного синяка, царапины или же намёка на то, что хоть как-то меня зацепило, повергло всех в ужас.

В тот момент кто-то из толпы людей крикнул мне в лицо:

— ведьма, колдовство, не иначе это было исполнение проклятья.

Другие же под влиянием момента или же что-то темное, что было в них самих, колыхнулось в тот момент, устроили целый сговор.

Рокот, разнёсшийся по толпе, как слуг, так и жителей окрестных мест возвестил мир о том, что я сама запустила такое проклятье.

Надо сказать, что в момент самого моего появления произошел, пожалуй, самый сильный раскат грома из тех которые были слышны до этого, после же всё стихло окончательно. Почему именно проклятья запустила, по их мнению, я и всё началось с меня:

Мой отец должен был со временем передать титул и имущество моему маленькому брату Элиасу. Я же старшая дочь наоборот лишалась всего. Моя свадьба была расстроена. Жених, наречённый один погиб на войне. На границах было не спокойно, и он как настоящий воин ушёл исполнять свой долг. Мы были с ним мало знакомы, в сущности, я не знала его толком. Но Меня обещали ему. С его смертью, я стала той, кто проигрывает на ярмарке невест и не сможет устроить свою судьбу. Хотела ли я этого устройства, интересовало ли оно меня, об этом меня никто не спрашивал. Меня должны были просто передать из семьи в семью, а что меня там могло ожидать, никто об этом не думал. Хотя истинная причина крылась, конечно, в другом. Это было печальнее и обиднее всего. Я была не нужна.

Вдова, соломенная и это при том, что с женихом сэром Лукиамом мы за всё время не связали и двух слов. Он видел меня пару раз украдкой, но даже несмотря на это я была ему нужна. Он был готов забрать меня у семьи в любой момент, он дожидался только того дня когда отец скажет:

— теперь она твоя.

Этот эпизод приводил его в бешенство но, тем не менее, он продолжал ждать. Желваки что появлялись на его лице от того что его желание не исполняется сейчас, ещё больше делали его и без того не очень привлекательное лицо, отталкивающим.

Что же до меня, то я только слышала его голос и видела его мельком мимоходом. Но даже этого мне хватило, чтобы испугаться и молить о том, чтобы он передумал. Его вид меня даже отталкивал. В нём было что-то от хищного зверя, и это меня очень страшило. Я боялась его. Говорить же об этом моим родителям было бесполезно. Они меня не слышали. Представить

нас вместе я не могла, но и сопротивляться у меня тоже не было возможности. И вот после его смерти от меня требовалось горевать и прятаться, ведь я потеряла жениха. А я не могла ничего это сделать, меня не научили скорбеть по тому, кого не знаешь. Всё во мне молчало и не откликалось на это горе. Была ли в этом моя вина, действительно ли дело во мне я не знала. Спросить мне было не у кого.

Именно этот факт, то, что я не проливаю слёз по мёртвому жениху и продолжаю спокойно жить ставил определённую метку на мне. Суть её была в том, что я холодная девушка, которая не способна любить. Будущая жена, та которая не может любить, горевать и выражать чувства в будущем может быть настоящим проклятием для того кто отважится связать с ней свою судьбу.

Любовь, мечтала ли я о том, что в моей жизни она произойдёт? Нет, я в этом разуверилась. То как меня буквально толкали в объятия погибшего жениха, как меня заставляли это принять, меня убивало. Всё во мне сворачивалось и скукоживалось. Что-то внутри меня кричало и бастовало. Меня пытались учить тому, что любовь это не для меня. Её в моей жизни не будет. Более того, все, что касалось любви в целом, привязанности, нежности внушало мне отчасти страх. Я не знала, что мне с этим делать и как себя вести.

Я как будто бы разрывалась. С одной стороны мне хотелось заботы, нежности что-то тёплое. Я так промёрзла. С другой мне наоборот не хотелось этого. Мне делалось страшно от того что если это случится и на мои чувства не будет ответа то я просто исчезну. У меня нет такой твёрдой уверенности в этом, не человек, просто выгодная партия, с этим было тяжело жить.

Вот так. Следующий мой жених, оказался лжецом и подлецом. За внешностью отважного и храброго героя скрывалась очень подлая и мелкая душонка. В надежде получить большое приданное он посватался ко мне, но когда оказалось, что за меня дают не так много, он исчез, нашёл себе более богатую невесту. Перед этим он распустил слухи, используя уже произошедшую смерть. Так по его словам он отказался не из-за более богатой невесты, а потому что пламя, вспыхнувшее в моих глазах в одну из наших встреч, напугало его, и он лишился ненадолго дара речи. Страшнее всего было то, что уже после расставания со мной, будучи женихом, другой он погиб странным образом.

Во время военных манёвров пушка, которую чистили пушкарки, разорвалась, и весь огонь перекинулся на бывшего и несостоявшегося жениха. Пламя окружило его плотным коконом как гусеницу. Он горел как факел. Пламя, окружавшее его, меняло очертание, становясь чем-то зловещим. Густой чёрный дым с ярко-красными искрами поднимался вверх в воздух. Всё трещало и искрилось. Именно поэтому те, кто был рядом, увидели в этом нечто колдовское и проклятое. Кто-то из присутствовавших там и видевший весь кошмар стал разносить весть о проклятии ведьмы, которое настигает со временем каждого, кто нанёс ей смертельную обиду. Уже потом, позже через некоторое время стали говорить о том, что единственное, что он кричал, объятый пламенем было:

— Эльмира, прости.

Это был даже не крик, это был вой и рёв такой силы, что казалось он, шёл из самой преисподней и звал за собой, туда в вечность и безмолвие.

В этих двух словах, в том, как они тогда звучали из этого пламени, чувствовался ужас. Это было что-то демоническое. Страх. Боль и ощущение расплаты за содеянное, и неверие одновременно. Неужели всё это происходит именно с ним. Как это возможно? Это всё неправда. Расплата за содеянное, наказание? И в тоже время он даже не пытался сбить это пламя, он ждал, когда оно его поглотит. Он принял случившееся.

Он назвал бывшую невесту ведьмой и наказание ведьмы его уничтожило. Что же касалось его новой невесты, то та даже не всплакнула по нему. Она как раз и оказалась той, чьи качества он в своё время приписал Эльмире. Холодная, бесчувственная кукла, в жилах которой текла кровь хоть и благородная. Два сапога, которые достойны друг друга.

После того случая о случившемся стали ходить настоящие страшилки которые с каждым разом всё больше и больше обрастали подробностями, но если в самом начале люди охваченные паникой и страхом внезапности с охотой верили в эти басни, то уже после относились к этому скептически. Хотя, и это опять только слухи были те кто устроил в том месте что-то наподобие алтаря на который приносили белые цветы в знак того как наказание от чистой Девы находит своего обидчика. Что же касается замка и его обитателей, то они покинули это место. А сам замок был, что называется, захвачен или же забран в пользование теми, кто верил в силу магии и торжество справедливости. Спустя время он стал пристанищем фанатиков, которые стали приносить в жертву тех, кто оболгал невинную чистую душу.

Именно после этого моим домом стала башня. Я жила в ней, там были мои покои, и большую часть своего времени я проводила там. Нет, мне было разрешено ходить где угодно и беспрепятственно пересекать владения, но в тоже время я была сильно связана. С семьёй я пересекалась очень редко. Моё присутствие стало их тяготить. Обо мне пошли слухи.

Так людская молва разнесла весть о том, что тот, кто захочет взять меня в жёны будет проклят. С ним произойдёт самое страшное, что только может представить себе человек. Его смерть будет жестокой и ужасной. Сам ад на моей стороне. Я та кто убивает мужчин, тех, кто оказывается рядом со мной. Я позавидовала чужому счастью и удаче, поэтому прокляла его. Меня стали считать если не совсем ведьмой, то той кто находится либо у них на услужении, либо ходит в их учениках. Разуверять в обратном было сложно и практически невозможно.

Вот так мне пришлось жить с одной стороны рядом, а с другой вдали от своего маленького брата, по возможности никак с ним не пересекаясь. Только из окон оранжереи я могла наблюдать за тем, как легко и безмятежно проходит его жизнь, как моя семья радуется его успехам. Они вместе составляют одно целое. Я же была изгоем в своей собственной семье. Почему именно так получилось, и за что?

Я несла горе мужчинам. Брат тоже был мужчиной, хотя и очень маленьким.

А вообще всё в нашем роду выглядело не так и очень отлично, чем во многих других семьях. Будучи старшим ребёнком, я была очень уязвима. Женщина в нашем роду мало на что имела права. Пожалуй, только имя принадлежало мне, да и то ненадолго. Главным был сын, наследник, продолжатель рода, защитник, завоеватель.

Глава 2. Как решилась моя судьба после столь тяжёлых и горестных событий

С рождением сына, все, что имел отец, должно было отойти к Элиасу. Это был титул и вся власть над территорией, что располагалась за пределами замка. Меня же по закону должны были выдать замуж, но поскольку претендентов на мою руку было не много, а после двух таких ужасных смертей не стало вообще. Меня должны были отправить в монастырь.

С жизнью в монастыре ещё отчасти можно было бы смириться, но для меня было придумано наказание. За смерть женихов и навет на мой род меня должны были обрядить в монахини и отправить жить отшельницей. Вот так. Отец оказался суров. Не приняв моей невиновности, действуя под силой обстоятельств и отчасти уверившись, что я действительно проклята или же несу с собой смерть, они изгоняли меня. Более того, в дальнейшем все воспоминания обо мне должны были уничтожены. Все должны были забыть о том, что маркиз Дерэ когда-то имел ещё и дочь.

Очень жестоко и несправедливо. Мне очень сложно было это принять. Из некогда любимого дитя и света их жизни я стала самым злом.

Вот такая была моя судьба, но этот пожар закончил всё именно так. То небольшое светлое, что ещё жило во мне, сгорело, умерло в том несправедном огне устроенном самой стихией. Возможно, и об этом мне страшнее всего думать, но это был акт моего спасения. Какой-то ангел хранитель решил сделать меня свободной.

Часть слуг действительно ушла, но не, потому что они верили в мою вину, они не смогли смириться с потерей своего господина. Смерть маленького Элиаса тоже стала для них большим ударом. Но были среди них и те, кто в глаза сказал, что я ведьма. Моя стража небольшая армия во главе с капитаном Александром Дюбуа осталась, мне верна. Но всё же мы стали очень уязвимы.

Капитан Дюбуа, можно подумать, что я отдавала большое значение внешности, но это было не так. Александр Дюбуа имел на лице большой шрам, который рассекал его широкий лоб и переходил рваными штрихами к правому глазу, упираясь в самый уголок. Но, несмотря на это во всём его облике было такое тепло и мягкость, был такой флёр надёжности и спокойствия, что не любить, не тянуться к нему было просто невозможно. Он был тем, кто знал меня с рождения. В обход других и мнения отца он был тем, кто стал мне настоящим отцом. Он учил меня держаться в седле. Мои разбитые коленки и ссадины были его заботой. Потеряв семью во время войны, он обратил внимание на меня, которая большую часть времени была предоставлена сама себе. Да вот так.

Моё детство. Забравшись к нему на колени, я часами могла слушать истории о походах, которые мне маленькой он рассказывал как сказки, представляя врагов в виде больших могучих драконов которых ему удалось победить. Он открыл для меня мир магии и волшебства, так он рассказывал мне устройство и появление мира. Уже когда я стала постарше, он всерьёз занялся моим образованием в плане истории, географии, он учил меня языкам. Да за свои путешествия он узнал много. Он был моим большим миром. Энциклопедией мудрости, которую мне нравилось читать.

Притом что я была любимым чадом своих родителей, любви, и ласки от них я практически не видела. Моя мать была строга и любые проявления заботы и нежности были ей чужды.

Можно сказать, что свою основную задачу она долгое время видела в том, чтобы сделать меня хорошей женой. Это была её основная цель. Всё что касалось чувств. Эмоций, ласки и нежности пресекалось ей на корню. С ней любые их проявления должны были быть спрятаны так глубоко, чтобы никто не смел о них догадаться. Отец же, который большую часть времени

проводил со своими воинами, тоже отчасти был прохладен и скуп. Я даже не знаю, любил ли он меня когда-нибудь или же нет? Это был тот самый вопрос, который я очень боялась себе задать. Возможно, я была его самым большим разочарованием. Временами было ощущение, что он совсем забыл обо мне, потому что когда мы встречались, в те редкие минуты, он с каким-то недоверием, неверием смотрел на меня. Может быть, он пытался осознать, что я взрослая, а может его, так сильно тяготило моё присутствие. Сам факт возможного замужества произносился им не как разговор со своим дитя, которому предстоит покинуть на веки дом, а как приказ, которого нельзя ослушаться. Он изгонял меня, избавлялся, его невозможно было оспорить. Так не обращаются даже с самым злейшим и опаснейшим врагом. Как же холодно и горестно мне было всё это понимать. Мысль о том, что я им чужая всё чаще приходила ко мне. Не было ничего в замке, что говорило бы о том, что мне рады в этом доме, что я часть этого рода и этой семьи. Моя отчасти непохожесть на них и в тоже время собрание во мне всех черт людей принадлежащих роду ставились им под сомнение. Он словно задавался вопросом:

— откуда я здесь. Как могло получиться, что я Пожар и Ведьма появилась у них.

Что такое любовь и забота я не знала. Так бы и было в моей жизни, если бы не Дюбуа. Его серые глаза, напоминающие собой блеск самого острого кинжала, несли для меня не морозный острый холод, а нежное тепло. Для него я стала родной дочерью. Стоило мне только оказаться рядом с ним, как его взгляд становился теплее, мягче, он него исходили невероятные тёплые флюиды. Рядом с ним наоборот хотелось стать маленькой слабой девочкой и прижаться как к отцу в поисках укрытия и убежища от зловещих демонов, которые пугали, приходя по ночам в кошмарах. Как бы дико это не выглядело, но я научилась отвечать ему огромной взаимностью на всю его заботу обо мне. Это был мой и его секрет, который мне приходилось не только тщательно скрывать, но и очень тщательно беречь. Кто знает, не обрушил бы на него за это мой родной отец не только гнев, но и невообразимую кару. Хотя, несмотря на то, что он сам был сильный и храбрый воин он к стыду своему прекрасно понимал, что без Дюбуа ему просто не обойтись.

С его помощью я стала дерзкой, независимой, смелой и той, которая не очень подходила на роль послушной жены по меркам нашего времени. Я стала той егозой, которая не только может быть слабой и ранимой, но и в тоже время в случае опасности сможет постоять за себя, и при этом будет биться на равных, ведь дело касается жизни и смерти. Его подарком на день рождения мне были парные кинжалы трезубцы. Они были очень лёгкие и в тоже время очень крепкие и прочные, они ковались специально для меня. Их было очень легко спрятать под одеждой на случай крайней необходимости.

Что же до роли послушной и примерной жены не смеющей перечить, то всё во мне восставало и противилось, это было мне чуждо. Мне предстояло отказаться полностью от самой себя в угоду моему будущему мужу. Для меня это было смертельно несправедливо, но иди против воли семьи, было ещё тяжелее. У меня практически не было возможности сбежать. Да и не убежишь от такой судьбы. Для меня практически не было такого места, где мне было бы спокойно и безопасно. Как всё это горько и несправедливо.

Моё возможное отшельничество, боже как же всё во мне и в отце было против этого. Все эти невероятные и ужасные смерти, людские козни нет, всё это вынести он не мог. Для него я действительно была светлое и чистое дитя. Маленький капитан именно так он меня называл. По храбрости и отваге я не уступала ни одному из его храбрых солдат. В такие минуты он всегда говорил о том, что считал бы за честь сражаться бок о бок со мной. Но это время, которое я опережала, лишало меня этой части себя, заставляя уничтожить её в себе раз и навсегда. Маска смирения должна была навсегда стать моей истинной личиной. Дюбуа же не мог представить как же это, он больше не сможет увидеть и обнять своё горячо любимое дитя.

Сейчас оставшись под его опекой, я знала, что отчасти в безопасности, но, увы, он тоже был не всесилен. Многие решения мне предстояло принимать самой. Но радовало одно, он был рядом и мог подсказать и направить.

Мне предстояло решить самый важный вопрос. А именно встать во главу своих земель, чтобы защитить тех немногих кто остался верен мне, моей фамилии. Хотя моё имя имело для них последнее значение. Эти люди верили мне, любили меня и были единственным родным и дорогим что у меня осталось

Глава 3. Обрела ли я свободу ил же, как сложилась моя дальнейшая судьба

Тот пожар или же точнее то, что после от него осталось, решено было разобрать и если не отстроить заново, то дойти до самого основания. План замка был сделан таким образом, что покои брата и родителей были как отдельный флигель. Вообще сам замок напоминал по строению не один общий, дом, нет, он имел несколько отдельных флигелей, помещений. Но, тем не менее, отчасти всё это разделённое и разбросанное строение держалось под одним сводом. То есть всё изначально говорило о том, что это не родовой замок, а проклятье одиночества, разобщённости и полное отсутствие крепких семейных уз. Это не семейный и фамильный замок, это замок отшельников.

Всё остальное зал для приёмов, кухни, зимний сад моя теперь уже любимая малая гостиная не только не пострадали, но и не как ни соприкасались с разрушенными комнатами. Как в насмешку, но именно эти помещения имели между собой что-то общее. Возможно, так было потому, что я часто в них была. Они были живые, ничто в них не напоминало о том страшном что случилось.

Пожалуй, это было самое правильное решение, которое только можно было принять и исполнить. Оставшуюся часть замка я решила перестроить. Большая библиотека, которая раньше была моей мечтой, сейчас расширилась. В ней же я сделала небольшой уголок с камином, а также маленький зал где повесили картину которую я нарисовала после того как весь пережитой мною ужас позволил мне спать, дышать и жить дальше.

На большом холсте я написала мощёную тропинку, которая проходила сквозь раскидистый густой зелёный лес. Вдалеке отчётливо были видны острые вершины деревьев и пики гор, прикрытые густыми облаками. Дорога, проходящая через каменную остроконечную арку прямо к озеру, которое ведёт уже одному ему известный извилистый путь. Его кристальная чистота манит к себе, туда, где покой, тишина и умиротворение.

Иногда я даже представляла себе во сне как, оказавшись рядом с картиной, я вижу, как она начинает увеличиваться, и вот мне остаётся сделать только всего один маленький шагок вперёд, и я оказываюсь на этой каменной тропинке, что пытается покрыть пробивающаяся трава. Я у края этой красоты и безмятежности. Здесь нет боли потерь, нет страданий от того что теперь моя жизнь постоянно подвергается опасности и нет того постоянного ощущения тревоги. От меня не требуют принятия решений. Я ощущаю себя частью этого волшебного, сказочного мира. Он так тонко отражает то, что я всё время искала. Мне легко и спокойно когда я смотрю на это полотно. Иногда мне кажется, что оно живое. Возможно, потому что я вложила в него всю силу своей души. Этот мир манит меня и зовёт. Порой мне чудится голос, он ласковый, подобен ветру, в нём нет угрозы, зависти и лжи. Он зовёт меня по имени, его Эльмира наполнено такой любовью, что всё во мне беспокоится и отзывается на этот зов. Сердце моё вдруг начинает выбивать такой сильный ритм, что дышать становится больно, и в тоже время непонятное, необъяснимое тепло пронизывает всё моё существо. Голос же окутывает своей заботой, мне легко и спокойно. Я не знаю, кому он принадлежит, это мне не открывается, как бы сильно я об этом не просила. Он стал мне близок, я всё время жду ответа на свой молчаливый призыв.

Вот удивительно. Раньше я никак не могла удержать в руках ни иголку с ниткой, они завязывались в узлы, или же нитки постоянно рвались, пряжа путалась, так что невозможно было её распутать, как бы я не пыталась это сделать. Ведение домашнего хозяйства навевало на меня скуку, а кисти и краски до определённого момента не оказывались в моих руках. Возможно, я даже не догадывалась о том, что в моём доме для них уготовано место, но, тем не

менее, они были. Но в один момент, не могу назвать день и час когда я встала и, взяв в руки мольберт, я начала писать. Я делала это так как будто бы кто-там наверху или же в моих снах говорил, что именно должно быть написано на холсте. Каждый день, а иногда в минуту самых горестных переживаний я уходила в зал, и мазок за мазком воспроизводила то, что нашёптывал мне голос. Сначала я не могла понять, что же именно должно появиться на холсте, но затем чем чётче и увереннее были нанесённые мною штрихи, тем понятнее становилось, что же именно должно выйти их под моих рук. В один прекрасный день сказанное голосом видение начинало всё чётче проявляться, а затем мне даже казалось, что я могу воочию ощутить и дуновение ветерка из картины, и пение таинственных птиц. А самое главное проход и тропинку что вела к озеру, откуда, как я поняла со временем, и был слышен голос, который так искренне и нежно звал меня к себе.

Эта картина стала живым напоминанием того что жизнь имеет краски, и весьма яркие.

После того как я её закончила моё щёки были покрыты влагой. Это были слёзы, но не горя, а какого-то очищения после них мне стало чуть легче. За место боли пришла живительная пустота, которая болела, но в тоже время давала направление и силы идти вперёд.

Мне нельзя было откреститься от мира. Это было бы неправильно.

Моё горе стало для некоторых поводом не только для сплетен, но и отчасти возможностью попытаться счастья, то есть потянулись и претенденты на мою руку, а также те, кто хотел заполнить мои земли.

Пока их попытки были едва заметны. До нас с названным отцом Дюбуа доходили слухи. Армия была мне верна, она была готова, хорошо обучена и в любой момент могла дать отпор видимому врагу. Также были верные вассалы, несколько арендаторов, которые в память об отце, а больше из-за того что они были против того, чтобы меня отдавали как безвольную куклу. Будучи тоже отцами имея дочерей, они не могли представить, как это можно вычеркнуть своё дитя из — за глупости толпы. Но возражать они могли, только когда дело касалось только их семей, правило по которому так жестоко наказывали меня, касалось только меня. Вот так обстояли дела.

Порой я совершенно не понимала, что именно следует сделать. Страх, не то, чтобы лишал меня воли или же парализовал, но я стала жить с ощущением грозящей беды, которая надвигается на меня. Боялась ли я предательства, того что в последний момент люди передумают и отвернутся от меня, и решат сами исполнить волю отца, нет об этом я не думала, они бы этого не сделали. И в тоже время стойкое ощущение, что опасность велика и удар может прийти внезапно невольно заставлял думать о том, что делать дальше. К кому обратиться за помощью, если придётся оспаривать право на землю.

Но и это было не так страшно. Меня ужасно страшил тот гул, который оказался на месте гибели родителей. Это мрачная, навевающая тихий ужас голая равнина. Она была пропитана ужасом и смертью. Словно сама преисподняя говорила там. Я вместе со слугами разгребла все эти завалы. Но даже несмотря на то, что там ничего не было, находиться там было невозможно. Единственной мыслью, которая меня тогда не отпускала, а словно хищный зверь держала за горло, было бежать. Всё внутри меня сворачивалось в тугой узел и буквально вопило:

— беги. Мне было чудовищно страшно. Я боялась не призраков своей семьи и не духов которые как говорили те кто принимал за них густой плотный туман, что покрывал это место рано поутру, а того что могло ещё произойти на этой земле. Именно это место являлось источником смерти и боли, ведь вся другая территория буквально изобиловала красивыми душистыми цветами, аромат которых дурманил и уводил воображение в сладкие грёзы. Нет, это место само по себе несло отпечаток горя. Земля будто бы вымерла. Запах шедший с этой земли даже спустя время, нёс на себе отпечаток смерти, горечи и нечеловеческой боли. Я боялась сделать там лишний вдох. Мне чудилось, что если я сделаю этот вдох, то мои лёгкие будут опалены этим страшным пожаром.

Кто-то из слуг начал всерьёз поговаривать о том, что на этом месте особенно в ветреную погоду можно отчётливо услышать голоса которые кричат и зовут о помощи. Именно эта история стала сплетней, которая стала передаваться по нашим землям. Так я стала той, кто живёт на земле с призраками, с тенями которые не упокоены и никому не дают жизни. Это было не так, но кто сможет тягаться с людскими наветами. Невольно и мне стали приходиться такие мысли, хоть я и отгоняла их от себя.

Оказываясь одна в очень редкие минуты именно в этом месте, я начинала читать молитву об упокоении. Но вот что было странно, всякий раз начиная это делать я, чихала, кашляла, а затем я воочию ощущала запах дыма, пожара который отчётливо проникал в нос. Затем поробощал лёгкие, и вот я уже плачу, на глазах пелена и я сама на грани смерти. Пламя от невидимого пепла медленно, но верно убивает меня. Ангелы и все святые отвернулись в тот момент от меня.

Но всё это оказалось лишь малой частью того, что жизнь, или же людская алчность и злоба были готовы обрушить на меня.

Самое тяжёлое было ещё впереди. Так на границах стали происходить беспорядки. Наши воины, те, что отвечали за охрану наших рубежей, верные традициям и данной присяге отбивали атаки. Как ни странно их не беспокоило то, что говорили.

Среди тех, кто пытался прорваться сквозь доблестных защитников моих земель оказались те, кто много лет назад подписал с отцом отказ от спорных земель.

Барон Ларош. Да как бы странно и дико это не выглядело, но барон пытался претендовать на земли маркиза. Их очень дальше не то чтобы родство, они были братьями, но в очень отдалённом и не совсем законном родстве, дедушка одного из них был из бастардов, которого со временем признали в правах. Предметом их спора была земля маленькая деревушке на самой окраине границы.

Тогда много лет назад уже мой отец официально потребовал Лароша не претендовать на неё, так как она исторически нашего рода. Ларош это принял, но стоило только отцу умереть, как договор оказался мысленно расторгнут и фантастические права снова возникли. Теперь барон Ларош решил, что от меня бедной глупой сиротки стоит избавиться, а землю присвоить. К несчастью людей, тех, кто готов был ему помочь, было предостаточно. Мой отец, тот чьё имя я носила, был не очень дружелюбен. Он нажил себе много врагов, с его смертью именно они и вспомнили обо мне. Пока активно говорил о себе только Ларош. Он настаивал на том, что тот давний договор был только временной мерой и срок его давно уже истёк.

Другие же враги, те о которых мне ещё предстояло узнать, замерли, как голодные собаки в ожидании момента, когда запахнет сильной кровью, или же перед ними замаячит жирная кость.

Мои верные рыцари под началом капитана Кариша, который был в свою очередь верным помощником и славным учеником Дюбуа, отчаянно отбивались. Он точно знал, тот договор не имеет сроков, а самое главное он был оплачен очень большой кровью, кровью его друзей. Всё чаще узнавая об этом, я стала просить Дюбуа поехать туда и самой разобраться на месте, однако мой названный отец эту затею пресекал. Сделать так, значит подорвать доверие своих людей, это значит, я не верю в то, что они достаточно сильны и храбры, чтобы защищать нашу землю

Глава 4. Мои люди мне верны

Капитан Дюбуа был прав как никогда. Поступи я подобным образом и ещё неизвестно что будет дальше. И всё же оставаться в дали я не смогла. Вместе с другими женщинами мы собрали припасы и лекарства, а также я снарядила своего лекаря Тодеуса. Его помощь там может очень пригодиться. Это лишь малая часть того что я могла сделать. Всё это добро я отправила под охраной своего верного оруженосца Гийома. Этот мальчик вырос со мной. В нём я видела одновременно и друга и брата и того на кого можно полностью положиться. Также как и Дюбуа он проявлял заботу обо мне.

Гийом уже рыцарь, хоть и не посвящённый. Его рыжая вихрастая голова, отчасти такая же, как моя так же роднила нас. Голубые, озёрные глаза, которые светились искренностью и добром, устремились на меня, не мигая, когда он оказался в малой гостиной, куда я просила его привести для важного и секретного поручения. Увидев меня, он произнёс:

— госпожа вы звали меня

Да Гийом мне нужна твоя храбрость. Я собрала немного припасов, а также лекарства для наших воинов там, на дальней заставе, а ещё отправляю к ним Тодеуса. Там у них сейчас не спокойно. Прошу тебя сопроводи его и позаботься, чтобы всё прошло хорошо. Я дам тебе с собой несколько воинов, они пойдут под твоим началом. Так мне будет спокойнее, я не хочу, чтобы вы пострадали. Нашим же храбрым защитникам, тем, что не знают сна и отдыха, прошу, передай мои слова:

— пускай будут осторожны и берегут себя. Я благодарю их за верность и храбрость. За мужество и бесстрашие. Их отвага лучшее подтверждение преданности мне. Я прошу их остаться в живых, беречь себя. Пускай знают о том, что их ждут домой. Моя речь, а точнее моё поручение с которым я обратилась к нему заставили его ещё больше расправить и без того широкие плечи. В глазах появился определённый прищур, который говорил о том, что он счастлив, выполнить возложенную на него миссию, ведь это возможность проявить себя, показать верность, преданность и храбрость. Сдерживая свою радость от поставленной для него задачи, стараясь ничем не выдавать то, как сильно и громко стучит его сердце. Как оно рвётся из груди, он произнёс:

Не беспокойтесь госпожа, всё передам.

Одна такая простая фраза, а у меня как будто бы камень с души упал. Я и до этого знала, что могу на него положиться, но сейчас в такое непростое время это было очень важно услышать. В голове набатом билась мысль:

— я не одна. Верных мне людей много. Мне есть на кого опереться. У меня надёжные соратники и союзники.

По негласной традиции я со стражей вышла к воротам и проводила этот маленький отряд, помахав им напоследок.

Небольшой отряд с обозом осторожно, не спеша двинулся на дальнюю заставу.

Вернувшись в замок, я зашла на кухню там верная наша кухарка Агния уже приготовила лёгкий перекус для меня.

Заметив мой слегка потерянный взгляд, она произнесла:

Эльмира с ними всё будет хорошо, не терзай себя напрасно. Наши воины крепкие, смелые и отважные. А то, что ты о них проявила заботу, ещё больше укрепит их дух. Поешь тебе, ещё понадобятся силы, не тревожься.

Милая добрая Агния. С самого детства, она также как и Дюбуа со мной, но в отличие от него нам не разрешали долго общаться. Моя мать очень ревностно относилась к нашему близкому общению. Завидев, с какой теплотой и нежностью я бежала на встречу с ней, она всегда повышала голос и напоминала о том, что Агния всего-лишь наша служанка, а со слугами не

полагается так близко и тепло общаться. Это недопустимо, они слуги, мы ими управляем. Тем более об этом мне стоит помнить, поскольку, когда я выйду замуж и буду жить в доме мужа, подобное поведение будет не очень хорошо встречено, это будет выдавать во мне простолюдинку. Только холодность, жёсткость и никаких сантиментов. Это мой долг.

Возможно, это была ревность, ведь обнимать она себя не позволяла, да и таких близких отношений у нас тоже не было. Она была такая холодная, что этот холод ощущался мной. Стоило только оказаться рядом с ней на расстоянии вытянутой руки, как моё сердце сжималось в ледяных тисках, мне становилось холодно и всё внутри меня начинало покрываться плотной прочной коркой льда. С Агнес всё было по — другому. От неё всегда шло тепло, а ещё она пахла мамой, я не могла это себе объяснить, что может означать пахнет мамой, но для меня это было именно так. Это было тепло, к которому хотелось прижаться, сразу становилось легко и спокойно. С ней не было страшно.

Мои визиты к ней, чаще мне приходилось прибегать к ней или же рано утром или же в такие часы, когда на кухне практически никого не было. Она для меня, это запах свежих только что испечённых булочек с корицей и чашкой ароматного какао. Да какао этот необычный для наших мест напиток был моим самым любимым лакомством, а ещё горячий глинтвейн в холодную рождественскую ночь, но этот напиток я стала пить, когда уже стала взрослой. Тепло печки, запах выпечки и, конечно же, моё любимое мясное жаркое в горшочке. Да, вот такое я непрехотливое создание.

Вот и сейчас заведя перед собой чашку с какао и любимые булочки, а также услышав урчание живота, поняла, что от всех своих переживаний сильно проголодалась.

Ласковый взгляд Агнес снова напомнил о том, что всё же нужно поесть и перестать думать.

Увидев, что я наконец-то решила прислушаться и начала есть, Агнес выдохнула. Да уж. Не очень хотелось бы её расстраивать, да и о здоровье тоже нужно думать. Кто знает, какие испытания обрушатся на нашу голову.

После того как я поела я отправилась в свою малую гостиную. Там стоя напротив картины я отчётливо понимала, что то что нарисовано притягивает гораздо больше чем мой собственный замок, даже после того как мне удалось его немного переделать.

Вглядываясь в спокойную гладь озера, я усиленно молилась о том, чтобы такое же спокойствие снизошло и на меня. Как бы мне тоже научиться такому контролю.

Разглядывая своё творение также как и во сне, мне почудился голос, который слишком отчётливо произносил моё имя.

С какой же тоской он звал меня:

Эльмира, даже скорее отчётливее и искренне звучало Мира. Как же нравился этот голос. Было в нём что-то волшебное, мистическое. Порой создавалось ощущение того, что между нами есть какая-то незримая нить, которая тянет нас друг к другу. Так и хотелось спросить:

— кто же ты? Где ты? Зачем ты зовёшь меня? И в тоже время что-то внутри меня отчётливо говорило о том, что бояться этого незримого мне не стоит.

Затем раздался, как будто бы всплеск мне почудилась рябь на тихой глади озера и морок или же волшебство рассеялось и вот я снова в своём замке и впереди это таинственное неизвестное.

Пока я отправляла Гийома и лекаря, на границе снова было не спокойно. Отряд во главе с самим Ларошем подошли слишком близко.

Отряды были разделены рекой. Место, которое занял отряд Лароша, находилось вблизи косы, которая позволяла спокойно перейти на другой берег. Враги, зная об этом, неоднократно провоцировали людей Эльмиры, те же в свою очередь старались сдерживать себя и в тоже время давали понять, что стоит только врагам оказаться на середине косы, и они перейдут в наступление, так как это будет сигналом к тому, что война началась.

За день таких переходов наполовину было несколько. Люди капитана Кариша гневались, их терпение практически было на исходе и всё же они продолжали быть на страже, они не хотели, чтобы их считали зачинщиками. Если бы они вступили в бой, они бы подвели свою госпожу.

Такое напряжение продолжалось не только днём с разницей в несколько часов, но и по ночам. Пытаясь внушить неприятелю, страх люди Кариша вдоль кромки берега разжигали костры, а в самые тёмные ночи устанавливали муляжи, которые создавали видимость того, что людей в войске с каждым разом всё больше и больше. Также устанавливались дополнительные шатры которые также служили подтверждением того что людей здесь очень много они вооружены и опасны.

На момент прихода обоза с Гийомом, произошло небольшое столкновение между отрядами. Так люди Лароша решили всё же попытать свою удачу. С этой целью они под покровом ночи всё же сумели перейти на другой берег.

Это была маленькая узкая тропка, звериная тропа о которой мало кто знал. Пастухи не пользовались ей уже давно, только звери иногда использовали её, и то это было очень давно, тропа была едва заметна, но пройти по ней всё же было можно.

Именно таким образом несколько человек из отряда Лароша оказались на другой стороне. Оказавшись на другом берегу, они незаметно подкрались к группе часовых, которые в это время устроились на перекус, перед этим обойдя посты. Возникнув из ниоткуда, освящённые вмиг всполохами от костра не успев взять оружие и испустив только предсмертный крик, они были убиты.

Опьянённые такой неожиданной и лёгкой победой они двинулись дальше. Не желая дальше скрывать своё присутствие они, издав победный клич стали продвигаться дальше. Однако дальше им на встречу вышел ещё один дозорный отряд, который выглянул из своего секрета, к сожалению, своим погибшим товарищам они не помогли только потому, что с их насиженных позиций не было видно и слышно, что происходит у самого края реки. Тот пост был скрыт большой группой деревьев, что отчасти принималось отрядом капитаном Кариша как всеобщее благо, ведь так создавался оборонительный рубеж.

Оба отряда столкнувшись друг с другом, вступили в ожесточённый бой. Один из солдат Кариша единственное что прокричал:

— оставьте одного в живых, мы должны знать, как они оказались здесь.

А дальше снова был шум схватки, лязг мечей, крики в атаку и смерть неприятелю. Бой был ожесточённым. Никто не хотел умирать и быть убитым, так же никто не хотел быть взятым в плен. Было понятно что, даже узнав нужную информацию, захваченный в плен не останется в живых.

Вовремя схватки, несмотря на небольшой перевес со стороны неприятеля победа переходила из рук в руки, никто не хотел сдаваться, никто не хотел уступать. Раздавались крики, стоны, угрозы. Земля в месте битвы не единожды обагрялась кровью, в некоторых местах её пролилось столько, что ноги воинов начинали скользить, так много её пролилось.

И всё же враг оказался повержен. Один из солдат был ранен, раны были не опасны, но из-за того что их было много он потерял много крови. И всё же он был взят в плен. Отряд бойцов Кариша с несколькими ранеными отправился в лагерь туда, где находились главные силы, те же, кто был легко ранен, остались на месте битвы, осматривать место. А затем отправились дальше к месту первого рубежа обороны. Натолкнувшись на тела своих товарищей, они также вернулись в лагерь с тем, чтобы взять подводы и привезти убитых, чтобы затем похоронить их, а после также выставить охранные посты, не забыв при этом усилить их большим количеством людей.

В лагере воины, увидевшие своих мёртвых друзей, были поражены тому, что враг смог так легко к ним подобраться, несмотря на всю их грамотно выстроенную оборону. Их боевой

дух отчасти был сломлен. В тоже время слепая ярость, проникала в их обугленные души, стремясь погребеть под собой, милосердие и сострадание, заменив всё собой. Теперь единственная сила, которая была их главных вдохновителем это злоба, жажда мести, стремление наказать тех, кто убил их друзей, возмнил себя тем, кто может безнаказанно приходить в их дом своими грязными сапогами.

Теперь это было уже не борьбой за нерушимость территории и защита своих земель, это была уже война. Это была месть за погибших друзей.

Гийом прибыл с лекарем как раз в тот момент, когда над мёртвыми проводили обряд и готовили их к погребению.

Увидев обоз и небольшой отряд люди капитана Кариша издали победный клич. Наличие лекаря в прибывшем отряде вселило в них надежду. Гийом поклонившись капитану, передал весточку от госпожи. Войско впитывало каждое слово Гийома молча, давая тем самым возможность проникнуть этим словам в сердце. Наличие провианта также обрадовало их. Получив такие дары, они убедились в том, что их молодая маркиза печётся о них. Слова о том, что она просит их вернуться живыми и будет молиться об этом, не могла не обрадовать их. Им стало тепло от этих слов. Они ещё раз убедились в том, что возраст и титул здесь не причём. Она заботится о них они дороги ей, она полностью им доверяет.

Тодеус стремительно спешил с коня и потребовал показать ему место, где он сможет заняться ранеными. Несколько солдат отправились вместе с лекарем к палатке, которая была выделена под лазарет.

В первую очередь в руках Тодеус оказался пленник. Потерявший много крови он, проваливаясь в забытие и возвращаясь обратно, рассказал о том, как всё же ему удалось оказаться на их стороне. Это оказались его последние слова. Думать о том, почему пленник перед смертью решил выдать своих товарищей, было последнее дело. На это не было времени.

Капитан Кариш отдал приказ немедленно снарядить отряд к месту указанному пленником. Вернувшись в лазарет, увидев, на сколько людей его отряд уменьшился, он всерьёз задумался о том, что нужно в срочном порядке выстраивать линию обороны. Делать новые секреты. Открывшаяся тропа стала не просто откровением, она выявила их уязвимость.

Несмотря на свой такой большой военный опыт, им был допущен сильный просчёт. Он потерял людей, они были убиты не в честном открытом бою, а у себя в тылу во время отдыха. Это было низко и подло. Данный поступок показал ему только одно, Ларош не собирается воевать честно, об этом не идёт речи.

Ну что же, теперь всё более ли менее стало понятно. Он должен придумать план. Его задача сохранить вверенных ему людей, защитить земли, принадлежащие молодой маркизе, а также не допустить новых жертв.

Эта стычка показала только одно если он готов играть честно и по правилам, то его соперник не остановится ни перед чем, он пойдёт на всё. Подлость для него это норма, которую он может себе позволить. Игра будет вестись нечестным путём.

Немедленно был созван военный совет. Все желающие высказывали своё мнение, как стоит выстроить линию обороны. Как ни странно, но криков и ругани не было. Каждый рыцарь понимал только одно, их разобщённость ничего не даст. Наоборот начав спорить, они дадут своему врагу преимущество, а этого они делать не хотели.

Отряд, разбившись на несколько маленьких групп, отправился выполнять поставленную перед ними новую задачу. Часть людей, оставалась в лагере и здесь выстраивала ещё один рубеж обороны.

Раздав приказания, Кариш вернувшись в лазарет, дал другой приказ, следовало отдать почести погибшим и отдать дань тем немногим кто, получив множественные ранения, всё же сумел остаться в живых.

За это время всем раненым была оказана помощь. Их было немного, всего трое. То, что им удалось выжить в такой резне, чудо.

Ещё раз, оглядев лагерь, капитан Кариш выдохнул. Как же вовремя пришла помощь от их госпожи. Несмотря на свою молодость, она оказалась весьма прозорлива. Наличие такого лекаря как Тодеус делало их жизнь проще.

В тоже время он не мог не сожалеть о том, что отчасти подвёл свою госпожу. Да как бы они не старались сдерживать врагов, у них не получилось. То, что произошло, это было уже не провокацией. Это война, которая должна быть закончена полным разгромом врагов. Сделать это нужно было в ближайшее время. К чему была такая спешка?

До маленького отряда здесь на одной из границ стали поступать дурные новости с более отдалённых территорий, там тоже было беспокойно. Пока это были только небольшие волнения, но кто знает, может быть так, что враги невольно объединятся и нападут со всех сторон. Если же такое случится, то даже несмотря на всю их воинскую выучку, смелость, храбрость и отвагу они могут не выстоять. Если же так произойдет, то тогда смерть покажется благом. Их юной госпоже, придётся хуже, всего ведь её в открытую считают ведьмой, а с ведьмой разговор простой пламя костра должно будет её поглотить.

Все эти мысли проносились в голове капитана, пока он говорил с ранеными и рыцарями, которые остались в самом лагере с ним.

Глава 5. Какая судьба ожидала Эльмиру

Эльмира же в это время, стоя на коленях в маленькой часовне напротив лика Божьей Матери молилась без остановки о том, чтобы верные ей люди остались живы, а большая беда обошла их стороной. Она просила о защите её земли, а также просила её дать ей сил и мудрости для того чтобы спасти свой народ. Народные волнения и слова о возможных врагах доходили до неё, это не вселяло страх за свою собственную жизнь, она боялась за людей. Старики, женщины и дети, какая ужасная участь ожидала их, тех, кто находился под её покровительством.

Пользуясь тем, что Дюбуа был с ней, она обратилась к нему за советом:

— отец, мне тревожно от того что я слышу. Если все враги ополчатся против нас, то наша участь незавидна, я не боюсь за себя, но что будет с людьми со всеми вами? Мне страшно.

— дитя твои храбрые воины будут защищать тебя до последней капли крови. Они умрут за тебя, ты же знаешь.

— я знаю об этом, но кто ещё может встать на нашу защиту? Может быть, стоит обратиться за защитой к королю? К верному Ордену рыцарей?

— нет дитя, это будет ошибкой. Орден не поможет, он находится под властью короля. Король не будет защищать тебя. Твой отец отказался в своё время перейти к нему на службу. Он также не пришёл на его зов, когда страна нуждалась в сильных и храбрых воинах. Он говорил тогда, что его род слишком ценен для того чтобы так глупо и бездарно проливать его драгоценную кровь. Король был зол и рассержен, когда узнал об этом. За эти слова его не наказали, никто не говорил о том, что его проступок будет забыт. Поэтому нет. Защиты от него не будет. Тот, кто обладает большой властью, крепко держит в недрах памяти тех, кто не склонил перед ним голову. Юная госпожа возможно, да так на самом деле и есть именно этот враг для нас будет опаснее и коварнее других. Ибо кто знает, какую кару он придумает тебе, за то, что ты дитя своего отца.

Но и это ещё не всё. До него тоже могли дойти дурные слухи, а именно то, как тебя называют после всех тех несчастий. Если он знает, то будет беда. Твоя участь будет ещё ужаснее, чем готовил для тебя отец, тот чьё имя ты носишь, и чья кровь течёт в твоих жилах. Ты будешь убита. Но и это не всё. Не это страшно. Тебя будут судить церковным судом, а после тебя отправят на костёр.

— О Боже. Но как же так, я же ни в чём не виновата.

— дитя, люди жестоки и мстительны. Оставшись без покровителя, без семьи ты стала лёгкой добычей. Твоя земля это разменная монета, которая либо перейдёт в чужие руки и тогда люди станут рабами, а твой дом будет стёрт с лица земли, либо мы выстоим, но участь твоя всё же будет очень шатка и отчасти незавидна. Ты не можешь полностью управлять землёй. У тебя нет мужа, который бы имел силу и власть, чтобы никто не мог оспаривать его право на землю и людей.

— но никто не захочет стать моим мужем. Все считают меня проклятой. Дюбуа, что же мне делать? Вы в опасности и со мной и без меня. И нет того кто захотел бы стать нашим спасителем.

И всё же, а если вдруг этим спасителем станет кто-то из наших рыцарей?

— нет, твой титул мешает этому. Ты из очень древнего рода. Вступив в брак с тем, кто менее знатен, ты обрекаешь своё будущее потомство практически на нищету. Твои будущие дочери, их судьба будет ужасна. Ни один рыцарь не захочет взять их в жёны, а твой сын, несмотря на свои родовые права и силу и ловкость сможет быть только наёмным солдатом.

А если я исчезну? Отец хотел отправить меня в изгнание, что если мне исчезнуть?

— это ничего не даст. Тогда станет ещё хуже. Твоих людей станут использовать как приманку, а на тебя начнётся охота. Пойми девочка, твоё имя слишком громкое, чтобы дать тебе

просто так исчезнуть, и в тоже время твоя публичная смерть позволит разграбить твою землю, а дальше это послужит сигналом к тому, чтобы избавиться полностью от всех существующих потомком твоего рода. Вас просто вырежут. Пострадает ещё больше людей.

— но кто сможет дать нам всем защиту, кого мне просить?

— боюсь я не смогу тебе помочь. Я не знаю такого человека, который бы захотел бы пойти наперекор всем.

— а рыцарский орден, неужели там нет ни одного смельчака, который бы захотел, чтобы его женой стала ведьма? Пускай только названная?

— не знаю. Видишь ли, твой отец, готовя твой самый первый брак, выставил условие, при котором у тебя было очень мало прав. За тобой давалось не очень большое приданное, а самое главное ты была практически безземельная. Твой отец, а точнее в вашем роду у девочек наследниц нет приданного кроме имени и денег, хотя раньше на пару поколений назад вы имели право на клочок земли, небольшой надел, но тебе было в этом отказано. Твоя семья просто хотела удалить тебя, вот и всё.

— но Дюбуа, я же их первое дитя. А как же право первородства?

— я не должен это тебе рассказывать, но ты не совсем обычное дитя.

Ты действительно их ребёнок, но в твоём появлении замешаны высшие силы. Твоя мать мечтала о ребёнке, отец жаждал появления наследника. Можно даже смело сказать, что это отчасти стало его одержимостью.

Когда она отправилась в паломничество, то ей встретился старец, который подсказал ей древние молитвы и обряды. Она даже жила некоторое время в полном уединении. На одном из источников ей было видение, в котором она увидела тебя. Новая её встреча со старцем рассказала о том, что увиденная ею девочка, её будущее дитя. А дальше было очень необычное предсказание.

Тебя ждёт удивительная судьба, твоя жизнь должна будет принадлежать другому миру и твоей семье придётся с этим смириться. Ты рождена не для этого мира. Нельзя перечить предначертанному иначе тех, кто решит помешать священной воле небес, будет сурово и жестоко наказан. Ты была Божьим даром. Ты покидаешь этот мир, и новый другой мир заберёт тебя. Такова должна была быть твоя участь.

Но всё перевернулось с ног на голову.

Когда твоя мать вернулась к отцу, спустя несколько месяцев, она узнала о том, что ждёт тебя. Когда ты родилась, вокруг тебя был яркий светлый купол, который полностью закрыл тебя, он горел очень ярко, потом он волшебным образом исчез. Увиденное напугало твоего отца, он был свидетелем этого яркого сияния. После этого он стал сомневаться в том, что ты подарок небес. Он решил пойти наперекор предначертанному, тем более наследник в твоём роду сын, и стал делать всё для того чтобы самому стать вершителем твоей судьбы. Ты практически сразу стала ему не нужна.

Когда твой первый жених погиб он решил, что ты прогневала небеса, ты совершила грех, ведь ты не скорбела об его утрате. Тогда же он вспомнил про увиденное свечение, которое окутало тебя своим покровом. Всё это навело его на определённые мысли. Ты не оправдала его надежд, ведь он ждал и рассчитывал на появление сына. После второй смерти, он решил, что ты не подарок неба, а дар дьявола именно поэтому он захотел избавиться от тебя, отправив в изгнание, лишив тебя поддержки. Сделать так чтобы все о тебе забыли.

Его сомнения стали подогревать и расплзающиеся слухи. Твой отец был очень гордым и заносчивым человеком. Для него имя это всё. Да ты дитя, которое ждало, но ты для него волшебное дитя, чертёнок подброшенный, та кто забирает жизни.

— а как же моя матушка, почему она так стала ко мне относиться? Она же так долго меня ждала?

— она была не очень знатного рода, а твой отец для её семьи это не просто билет в счастливую жизнь, это выигрыш. Её собственный отец просто отдал её твоему отцу. Можно даже сказать в уплату старого долга. Любви между ними не случилось, да об этом и не могло быть речи. Она его боялась, он был суров, немногословен. Порой жесток. Он считал, что она должна быть безвольной ведь то, что он её взял себе это уже милость, на большее она не должна рассчитывать. Тем более ты появилась не в первые годы брака. Вот такие дела.

— Господи. Как это всё мерзко. Получается, они ждали меня и в тоже время они считали меня проклятием. Но как же быть? Что делать?

— будем жить. Можно обратиться к старым записям твоих предков, возможно, там мы сможем найти лазейку, которая поможет тебе единолично управлять своей судьбой и землёй.

Так потянулись дни за днями, в течение которых названные отец и дочь искали возможности защитить земли и людей. Бывали дни, когда они падали духом, в такие дни вопрос который негласно звучал между ними:

— что же будет с нами дальше, звучал всё чаще.

На границе же в это время со стороны Лароша наступило небольшое затишье, которое наоборот больше внушало тревоги и опасений чем настоящая битва.

Глава 6. Что же ожидало нас всех дальше

Это временное перемирие не внушало добрых и радостных мыслей. В эти дни Эльмира устав от тягостных и нерадостных мыслей уходила в свою маленькую гостиную. Там в уединении, всматриваясь в написанный ею пейзаж, она пыталась найти ответы на мучившие вопросы.

Задержав взор на зеркальной глади озера, она размышляла:

— не проще ли будет взять и исчезнуть так, доверив свою судьбу природе? И в тоже время какой-то уже знакомый голос нашептывал ей:

— не поступай так.

Проводя время, таким образом, она всё чаще ловила себя на мысли что начинает слышать птичьи голоса, и слышны они из картины, но никак не из — за окна. Ей даже чудилось, как шевелится листва на деревьях, и наклоняют свои головы цветы, которые ласково треплет ветерок. Это видение было таким невероятным, что порой казалось, что она чувствует пьянящий аромат цветов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.